

Дюк

- Да из тою ли со Галичи с проклятою,
Ай со той ли славной с Индѣи со богатою,
С то́го славного богата с Волын-города,
С Волын-города да со индейского,
А сряжался молодой боярин Дюк Степанович
Да повыехать на матушку святую Русь:
Посмотрѣть-то он хотіт на славной стольнѣ-Киев-град,
Посмотреть хотіт на славного на князя на Владимира,
На прекрасную Опраксию на королевичну,
10. Посмотреть хотит на сильниих на русьских на могучиих
богатырей,
На всех славных поляниц он на удалых.
Говорила Дюку рѣдна матушка:
«Молодой боярин Дюк Степанович!
Хоть сряжаешься ты на святую Русь,
Посмотреть хотішь ты на святую Русь,
Посмотреть хотішь на князя на Владимира,
А й на душечку прекрасну королевичну,
Да й на сильниих могучих на богатырей,
На всих славных поляниц-то на удалых —
20. Не бывать тоби дай на святой Руси,
Не видать тоби дай стольне-Киева;
А до славного до города до Киева
То стоит три за́ставы великих:
Перва за́става-то змеи поклевучии,
Друга за́става е звери поедучии,
Третья за́става-то горушки толкучии».

119

- Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушки да он не слушатся.
Он седлал коня да богатырского,
30. Поезжает Дюк да в стольной Киев-град.
Говорила Дюку рѣдна матушка:
«Ай же свет моё, чадо́ любимое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Когда будешь ты на матушке святой Руси,
Да й когда будёшь во граде ты во Киеве,
Да й будёшь когда у князя у Владимира,
А й охвоч ты испивать так зеленá вина,
А й не хвастай-ко своим художеством (так)
Супротив русьскіх могучиих богатырей».
40. Тут поехал Дюк он на добром коне,
Подъезжает Дюк ко первой ко за́ставы,
Да ко тым змеям поклевучиим,
Бѣрет плетку он шелкову во белы ручки,
А он бил коня-то по крутым ребрам.

- Его добрый конь да богатырские,
 Поднимался он от матушки сырой земли,
 Перёскачил он через заставу великую,
 Через змеев этих поклевучиих.
 Ён поехал-то роздольицем чистым полем,
50. Подъезжал он к дру́гой за́ставы великою,
 Да ко тым зверям ко поедучиим,
 То он бил коня да по крутым бедрам,
 А бил плёточкой своей шелковенькой.
 Его добрый конь да богатырские
 Как вспрянул от матушки сырой земли —
 Перенес ён через за́ставу великую,
 Через тых зверей да поедучиих.
 Он поехал по роздольицу чисту́ полю,
 Подъезжает ён ко третьей ко за́ставы великоей,
60. Ай ко тым ко горам потолкучиим.
 Эты горушки толкучи вместо столкнулись,
 Вместо столкнулись оны да поростолнулись —
 Проскочил он про́меж горушки толкучиим.
 Молодой боярин Дюк Степанович,
 Он поехал по роздольицу чисту́ полю,
 Да повыехал на матушку святую Русь.
 То приехал он во славный стольной Киев-град
 Да й ко ласкову ко князю на широк на двор.
 То Владимира-то в доме не случилось:
70. А й ушел-то князь Владимир во божью́ церковь,
 Ушел господу он богу помолитися,
 Ко господнему кресту он приложитися.
 Молодой боярин Дюк Степанович
 Он пошел по граду-то по Киеву,
 Ён зашел во матушку божью́ церкву,
 То он крест кладет да й по-писа́ному,
 Ён ведет поклоны по-учёному,
 На все на три, на четыре на сторонушки ои кланялся,
 Он до тых полов да до кирпичных,
80. А й до матушки он до сырой земли.
 Самому князю́ Владимиру в особину,
 Всим его князьям он подколенным.
 По праву́ руку Владимира стоял-то ведь молоденькой
 Добрынюшка,
 По леву́ руку-ту князя-то Владимира
 Сто́ял молодой Шурилушка-то Плёнкович.
 Стал Владимир князь у Дюка повыспрашивать:
 «Ты скажи откуль, удалый добрый молодец?
 Ты ко́ей земли да ты ко́ей Литвы?
 То́бя-то как-то молодця да именём назвать,

90. Звеличати удалого по отечеству?»
Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:
«Ай ты славный князь, Владимир стольнё-киевской,
Есте я из Галичи проклятой,
Да из тою со Индеюшки богатою,
Да со славного богата с Вольга-города,
Молодой боярин Дюк Степанович».
Говорит-то ведь Щурилушка тот Плёнкович,
Да и говорил Щурила таковы слова:
«Ты Владимир князь, да стольне-киевской!»
100. Во глазах мужик да подлыгается,
Да и во глазах собака насмехается!
Повороты есте тут не Дюковы,
Поговорюшка-то есть не Дюкова,
А й должён тут быть холопина дворянская!»
Это дело-то и Дюку не слюбилося.
Выходили-то со матушки божьей церкви
Да й пошли оны по городу по Киеву.
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал загадочек Владимиру отгадывать:
110. «Ай ты славный князь, Владимир стольнё-киевской!
У вас в Киеви-то все да не по-нашему.

121

- Настланы у вас мосточки кирпичные,
Да й поручинки положены калиновы:
Как идешь-то по мосточкам по кирпичным,
Медное гвоздь да приущиплется,
Цветно платице да призабрыжжется.
Как во нашей-то Индеюшки богатою
Да й во нашем в славном Волын-городе,
У моей-то родной у матушки,
120. У ней настланы мосточки все калиновы,
Да й положены поручинки серебряны.
Да й на эти на мосты да на кирпичны
Настланы-то у ней сукна гормузинные:
Как пойдешь-то по мосточкам по калиновым,
Да о эти о поручинки серебряны,
Медное гвоздь у нас так не ущиплется,
Цветно платице да й не забрыжжется».
А й ко тым речам Владимир князь не примется.
Приходили во полаты белокаменны,
То садились за столики дубовые,
130. Да й за тые за скамеечки окольные.
Оны сели-то есть ествушки сахарнею,
Испивати питице медвяных;
Подносили к ним колачиков тых пшениных;

- Молодой боярин Дюк Степанович
Стал загадочек Владимиру отгадывать,
А ще корочку-ту ён вокруг кусал,
А й середочку-то ён так кобелям бросал.
То Владимир князь ко тым речам не примется.
140. Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:
«Ты Владимир князь, да стольнё-киевской!
Да все в Киеве у вас есть не по-нашему:
Да й у вас как сделана-тобочка дубовая,
Да й набиваны обручики еловые,
У вас делано мешалочко сосновое,
А ще тут у вас да й колачи месят;
У вас делана как печка-та кирпичная,
У вас топятся-то дровця-ты еловьи,
У вас делано помялышко сосновое,
150. А и тут у вас да колачи пекут.
Как во нашою в Индеи во богатою
Да во славном во богатом Волын-городе,
У моёй-то родною у матушки,
У ней сделана-тобочка серебряна,

122

- А й обручики набиты залоченыи,
Да й положены туды да й меды сладкии;
У ней сделано мешалочко дубовое,
Оны тут да й колачи месят;
У ней сделана-то печечка кирпичная,
У ней топятся-то дровця-ты дубовьи,
160. У ней сделано помялышко шелко́вое,
Настлано туда бумаги-то гербовою,
Аще тут оны да й колачи пекут».
Владимир князь ко тым речам не примется.
Подносили к им да сладку водочку;
Молодой боярин Дюк Степанович
Бéрет рюмочку он во белы́ ручки,
Подносил он эту рюмочку к устам своим сахарниим
Да й по горенки он водочку повыплескал;
170. Говорил-то Дюк им таковы слова:
«Ай ты славнии Владимир стольнё-киевской!
У вас в Киеве-то все ведь не по-нашему:
У вас сделаны естьбочечки дубовьи,
Да й набиваны обру́чики еловьи,
У вас водочка-винцё там призадохнется,
А й нельзя-то испивать да сладкой водочки;
Как во нашею Индеюшки богатою,
180. Да во славном богатом в Волын-городе
У моей ли-то у родною у матушки,

У ней сделаны как бочечки серебряны,
 А й набиты обручки да золоченые,
 У ней водочка-винце́ туда положено,
 У ней поднято на воздух тот на легкии,
 Да на тые-то цепочечки на медныи,
 У нас водочка-винце́ так не задохнется,
 Аще чарочку-то пьешь, так дру́гой хочется
 Аще другу пьешь по третьей-то душа горит».

190. Да Владимир князь ко тым речам не примется.
 Ай Щурилушко-тот Плёнкович по горенки похаживат,
 Таковы слова Щурила поговариват:
 «Что же ты, холопина дворянска поросхвастался
 Ай своим ты да имениём богачеством,
 Поросхвастался уедами ты сладкима?
 Да й поросхвастался ты пи́тьямы медвяныма?
 То ударим-ко со мною да велик заклад:
 На три го́ду поры-времени проездити,
 На своих на добрых ко́нях богатырских,

123

200. Чтобы каждый день одежица носить нам снова-на́ново,
 Снова-наново носить бы что ни лучшая».

Молодой боярин Дюк Степанович
 Говорил Щурилу таковы слова:
 «Ай же молодой, Щурилушка ты Плёнкович!
 Тоби просто бить со мною о велик заклад,
 Как живешь ты в сво́ем городе во Киеве.
 У вас полны кладовыи ты одежицы наклады,
 У меня естё одежица дорожная,
 Мои платьица да все завозныи».

210. Молодой боярин Дюк Степанович
 Ён скорешенько сажился на черленый стул,
 Ён писал-то письма скорописчаты
 Ко сво́ей ко ро́дною ко матушке:
 «Ай же свет моя ты, ро́дна матушка!
 Да й повыручь-ко меня ты со неволюшки,
 Спод того ли спод закладу спод тяжелого;
 Ты пошли-тко мне одежицы снарядно́й,
 Чтоб хватило на три года поры-времени,
 Да й держать чтобы одежда снова-наново,

220. Снова-наново держать да чтобы каждый день,
 Что ни каждый день держать да что ни лучшая».

Молодой боярин Дкж Степанович
 Он прошел полатой белокаменной,
 Выходил-то он боярин на широкий двор,
 Он приходит ко добру́ коню да к богатырскому,
 Полагает он конверт да под седлышко,
 Отпускал коня он богатырского,

- Говорил коню он таковы слова:
«Побегай-ко ты мой добрый конь да богатырским
230. Да й во славу во Индеюшку в богатую,
А й бежи-тко ты на славный на широк на двор,
Ко своим-то конюхам любимым».
Побежал-то его добрый конь да богатырский
Да и по славному раздольицу чисту́ полю,
Прибежал он во Индеюшку в богатую.
Прибегал он в славный Во́лын-город,
Ай на свой-то он да на широкий двор.
Усмотрели ёго конюхи любимыи,
Приходили-то ко Дюковой ко матушке,
240. Ко честной вдовы Настасьи ко Васильевной,
Приходили оны к ней да поклонялися:
«Ты честна́ вдова, Настасья да Васильевна!

124

- Прибежал-то Дюков конь да на широк на двор».
Тут сидит она да и горько заплакала:
«Молодой боярин Дюк Степанович
Положил свою буйну головушку,
Да й на матушке на славной на святой Руси».
Подошла она к коню да к богатырскому,
Приказала-то́ добра коня росседывать;
250. Росседлали-то добра́ коня да й богатырского,
Там нашла она конвертик, распечатала,
Посмотрела что у Дюка принаписано.
Она скоро шла в полату белокаменну,
Она брала-то скоренько золоты ключи,
Шла на тые кладовые на платёныи,
Полагала-то одежи снова-наново,
А й на три году да поры-времени,
Да й набила-то ведь сумки переметныи;
Она кинула ско́ренько на добра́ коня
260. Через этое седельшко черкасское,
Отпустила-то коня да в стольнё-Киев-град.
По́шел добрый конь да по чисту́ полю,
Прибегал-то он да в стольнё-Киев-град,
Да й ко славному-то князю на широкой двор,
Молодой боярин Дюк Степанович
Выходил-то он да й на широкой двор,
Подходил-то он к коню да к богатырскому,
Да он брал-то сумки переметные,
Брал-то эти сумки распечатывал.
270. Посмотрел-то на одежи драгоценныи,
Положил-то эти сумки за крепкой замок.
Стал одежицы оттуля Дюк понашивать,
На добро́м коне стал со Щурилою поезживать;
Ездят каждый день оны да и по городу,

Да й по городу ездят по Киеву.
 Да й проездили они по год поры,
 Да проездили оны да ёще другой год
 Да й проездили еще оны и третий год.
 Как по третий год да й на последний день
 280. Им поехать надобно к обеденке христовскою.
 Молодой Щурилушка-то Плёнкович
 Надевал одежицу снарядную,
 Ён снарядную одежицу хорошеньку:
 У рубашечки манешечки шелковеньки,
 Кунью шубку он надел на плечка на могучии,

125

Еще строчка строчена-то чистым серебром,
 Друга строчка строчена так красным золотом,
 Петелки-то вшиваны шелковыи,
 Пуговики положены да золоченыи;
 290. А й во этии во петелки шелковыи
 А то вплетано по красной по девушки,
 В эвты пуговики-ты золоченыи
 А й то вливано по доброму по молодцу:
 Как застенутся, так и обоймутся,
 Поростенутся, так поцелуются.
 Молодой боярин Дюк Степанович
 Ён надел одежицу да все снарядную,
 Ён снарядную одежицу хорошеньку:
 Ён рубашечки манешечки шелковеньки,
 300. Он надел еще свою да кунью шубоньку,
 Одна строчка строчена так чистым серебром,
 Друга строчка строчена-то красным золотом,
 Петелки-ты вплетаны шелковеньки,
 Пуговики-ты вливаны да золоченыи,
 В петелки-ты вплетано по красной по девушке,
 А й во пуговики-ты вливало по доброму по молодцу:
 Как застенутся, так и обоймутся,
 А й ростенутся, так поцелуются.
 У молодого у Дюка у боярина
 310. На головушку надета есте шапочка,
 Спереду введен да то светел месяц,
 А й вокруг-то ведены-то звезды частии,
 Наверху шелом как быдто жар горит.
 А й пришли-то молодцы оны в божью церковь.
 Как Владимир князь-от стольнё-киевской,
 Поглянул-то ведь Владимир на праву руку,
 На молодого Щурилушку на Плёнкова,
 Говорил Владимир таковы слова:
 «Молодой боярин, Дюк Степанович,
 320. Прозакладывал все имение богатство

А мо́ло́дому Щурилушке-то Плёнкову».
Говорил Пермин-то сын Иванович
Говорил ён князю-то Владимиру:
«Ты Владимир князь да стольнё-киевской!
Посмотри-тко ты на леву́ руку:
Молодой Щурилушка-тот Плёнкович
Прозакла́дал ён свою буйну́ головушку».

126

- То Владимир князь да стольнё-киевской
Посмотрел-то он да на леву́ руку,
330. На мо́ло́дого на Дюка на боярина:
Как одежица на нем да что ни лучшая,
Шапочка надета на головушку,
Спéреду введен да и светёл месяц,
По косицам введены да звезды частии,
А шелом на шапочке как Оы́дто жар горит.
Молодой боярин Дюк Степанович
Бéрет плеточку шелко́вую во белы́ ручки,
Провел плеточкой шелко́вой по бело́й груди —
Еще петелки-ты свищут по-солóвьему,
340. А й то пуговики крычат-то по-звериному.
Молодой боярин Дюк Степанович
По бело́й груди стал плеточкой поваживать.
А й народ стал падать на кирпичный мост
От того от по́свисту солóвьего,
От того от по́крыку звериного.
Говорил ёму Владимир князь да стольнё-киевской:
«Молодой боярин, Дюк Степанович!
Перестань-ко во́дить плеткой по бело́й груди,
Тоби полно-тко ронить да лю́дей чернети».
350. Ены госпóду как богу помолилися,
Ко госпóдному кресту как приложилися,
Выходили-то со матушки с божьёй церкви,
Да й пришли в полаты белокаменны,
Да й ко славному-то князю ко Влади́миру,
Ены стали-то есть ествушки саха́рнею,
Испивать-то стали пити́цев медвяных.
Подходил-то как Щурилушко-тот Плёнкович
Ко тым столикам он ко дубовым,
Говорил Щурила таковы слова:
360. «А й что ты, холопина дворянская, росхвастался
Свои́м имени́ем богатством великим?
Да й ударим-ко со мной в велик заклад,
Чтобы нам-то ско́чить через славну матушку Пучай-
реку».
Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:
«Молодой Щурилушка ты Плёнкович!

То́би просто бить со мною о велик заклад,
Как твой добрый конь да богатырский
У своих стоит у конюхов любимых,
Зоблет он пшени да белоярову,

127

370. Испивает свежу ключеву́ воду,
А мое-то жеребятшко дорожное,
А й дорожное да призаехано». Молодой боярин Дюк Степанович
Он бежал-то как скоренько на широкий двор,
К своему коню он, богатырскому,
Пал-то он на бе́дра лошадины,
Говорил-то он коню да таковы слова:
«А й мой добрый конь да богатырские!
Можь ли выручить меня ты со неволю́шки,
380. С-под того закладу с-под великого,
Еще можь ли ты скочить через славну́ Пучай-реку?»
Воспровешил ёму добрый конь да богатырский,
Испроговори́л языком человеческим:
«Молодой боярин, Дюк Степанович!
А й ты бей в велик заклад, закла́дайся.
У Шурилушки-то конь мой меньший брат,
А й у старого каза́ка Ильи Муромца
Его добрый конь так мне-ка больший брат:
У него есть трои крылышка подкожные,
390. У меня есть двое крылышка подкожные,
У мо́лодого Шурилушки у Плёнкова
У него коня да й богатырского,
Да й одны-то есте крылышка подкожные —
Как подо́йдет какова пора да коково́ времё,
Не уступлю тогда я брату большему,
А й меньшому брату с мене́ не́что взять». Молодой боярин Дюк Степанович
Он скоренько шел в полаты белокаменны,
Они били-то с Шурилушкой велик заклад,
400. А й велик заклад да то не малыи:
Молодой боярин Дюк Степанович
Ён залогом-тым покла́дает бессчетну золоту казну,
Молодой Шурилушко-то Плёнкович
Он покла́дает залогом буйну голову.
Ёны сели на добрых коней, поехали,
Да й ко славною ко матушке к Пучай-реке.
То за нима едут русьские могучии богатыря
Посмотреть на них замашки богатырские.
Порозъехали́сь с роздо́льица чиста́ поля,
410. Припустили добрых ко́ней богатырских

А й скакать-то через матушку Пучай-реку.
Молодой боярин Дюк Степанович

128

- Он проскочит через славную Пучай-реку,
Да й на тот славный крутой бережек;
Молодой Щурилушко-то Плёнкович
Посерёд реки он приогрюшился (так)
С добрым конем да с богатырским.
Поглянул-то молодой боярин Дюк Степанович:
А то нет при нем да и товарища,
420. А й то плавае Щурила посерёд реки;
Молодой боярин Дюк Степанович
Поскорешенько он поворот держал,
Припустил коня он богатырского
Скочить через матушку Пучай-реку;
А й скочил-то ёго добрый конь да богатырский
Через славну матушку Пучай-реку,
За кудерышка Щурила ён повыхватил,
Со Пучай-реки Щурилу ён повытащил,
Да он посадил Щурилу на крутой берёг,
430. Говорил Щурилы таковы слова:
«Молодой Щурилушка ты Плёнкович!
Да й не надо ти смеяться вкрут богатырей,
Да й не надобно Щурилы да в заклады бить,
А й ходи-тко ты Щурилушка по Киеву,
А й по Киеву ходи за б...»
Ены сели на добрых коней, поехали,
А й приехали ко князю ко Владимиру
На него на славный на широкой двор,
Заходили во палату в белокаменну.
440. Говорил Щурилушка тот Плёнкович:
«Ты Владимир князь наш стольнё-киевской!
Полагай-ко писарёв ты да оценщиков,
Отпускай-ко во Индею во богатую
Описать у Дюка их богатство,
Их богатство да все имение,
Их великую бесщётну золоту казну».
Тут славные Владимир стольнё-киевской
Посылает он двенадцать-то богатырей да святорусьских:
«Поезжайте-тко, богатыри, вы во Индеюшку,
450. И учитайте-тко имение, богатство,
Их великую бесщётну золоту казну».
Молодой боярин Дюк Степанович
Да по горенке он да похаживат,
А Владимиру он князю выговариват:

- Посылай-ко ты всех русьских могучих богатырей,
А двенадцать-то богатырей тых святорусьских —
Не посылай-ко ты богатыря Олешеньки,
Мо́лода Олешеньки Поповича:
460. А он роду есте-то поповского,
У него глазеночка завидливы:
Как увидит ён имение богатство,
Как увидит ён бессчетну золоту казну,
Не поедет больше в стольне-Киев-град,
Он положит там буйну́ головушку».
- Как садились молодцы-ты на добрых коней,
Ёны ехали раздольцем чистым полем.
А й во тою во Индеюшки в богатой,
Да во славном в богатом в Во́лын-городе,
470. У них кровельки все были золочены;
Оны ехали раздольцем чистым полём,
Да й заехали на гору на высокую,
Посмотреть-то на Индею на богатую:
А во том ли то во славном Во́лын-городе
Кровельки да золочены,
Отдали́ оны как бы́дто жар горит.
Говорят богатыри да святорусьские:
«Молодой боярин, Дюк Степанович,
Прозакла́дал все имение богатство,
480. А срубить тебе́ буйна́ головушка!
А Во́лын твой город ведь огнём горит,
Молодой ты, Дюк, ты прозакла́дался!»
Как приехали во славныи Во́лын-город,
А й на тот на славный на широкой двор:
По всему́ его́ двору да по широкому
Настла́ны да сукна гормузинные.
Становили оны коней богатырских
Посере́д двора оны широкого,
Да й пошли самы́ в полаты в белокаменны;
Так у Дюка-то ступеньки есть серебряны,
490. А й то грядочки у Дюка все орлены,
А й орлены да золочены.
То при́шли они в полаты во перво́й покой,
Оны госпо́ду-то бо́гу помолилися,
На вси стороны-то низко поклонялися:
«Ай ты здравствуешь, честна́ вдова Настасьюшка
Васильевна,
Ай ты, Дюковая матушка!»

Говорил им Дюк да таковы слова:

«А й не матушка моя тут есть не родная,

500. А й тут есть моя да рукомойница,

Полагает она воду в рукомойничек».

Приводили молодцы оны в другой покой,

Оны господу-то богу помолилися,

На все на́ три на четыре на сторонки поклонилися:

«Ай ты здравствуешь, честна вдова Настасья да

Васильевна!»

Говорил им Дюк-то таковы слова:

«Да й не матушка тут есть моя не ро́дная,

А тут есть моя да судомойница».

А й прошли они еще в третей покой,

Оны господу-то богу помолилися,

510. На все на три на четыре на сторонки поклонилися,

А честной вдовы да и в особину:

«Ай ты здравствуешь, честна́ вдова Настасья да

Васильевна!»

Говорит-то молодой боярин Дюк Степанович:

«Да й не матушка тут есть моя не ро́дная,

А и есть моя да то и стольница».

Тут прошли они еще в покой четвертою,

Оны господу-то богу помолилися,

На все на три на четыре на сторонки низко кланялись,

Да честной вдовы Настасье той Васильевной

520. Низко кланялись-то ей в особину.

Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:

«Ай вы, славные богатыри да святорусьскийи!

Тут сидит моя да ро́дна матушка,

То честна вдова Настасья да Васильевна».

Как скорешенько честна́ вдова вставала на резвы́ ножи,

Со своим он со сыном со любимыим

Со пути да со дороженьки она тут поздоровкалась.

Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:

«Ай же свет моя, ты ро́дна матушка,

530. Ты честна вдова, Настасья да Васильевна!

Как приехали богатыри да святорусьскийи

Описать имение наше богатство,

Описать нащу́ бессче́тну золоту казну».

То честна́ вдова Настасья-то Васильевна

Да й скорешенько берет-то золоты ключи,

Повела по кла́довым да по богатыим,

Повела по погреба́м глубокиим.

- Еще тихие Дунаюшко Иванович,
Говорил Дунаюшко он таково слово:
540. «Ай же, братица мои да вы крестовый!
То пишите письма в стольнёй Киев-град,
Да й ко славному-то князю ко Владимиру:
Да й во нашоем во городе во Киеве
Да й не хватит-то бессчётной золотой казны
Да й купить-то только перья со чернилами,
Да во тою во Индеюшки в богатою
Описать бессчётна золота казна,
Описать богатство великоё».
- Тут молодой боярин Дюк Степанович
550. Приказал он накрывать на столики дубовый,
Становить-то ествушки сахарный,
Становить-то питьица медвяный.
Он сажал богатырей да святопольских
Да й за тые столики дубовый,
Он кормить-то стал их ествушкой сахарною,
Стал поить их питьицем медвяным;
Оны рюмочку-то пьют, как другой хочется,
Оны другую-то пьют, так по третьей душа горит.
Тут богатыри да святопольские
560. А й поели-то оны, покушали,
Выходили из-за столиков дубовых,
Из-за тых скамеечек окольных.
Оны господу-то богу помолилися,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялися,
А самой честной вдовы да ей в особину,
А й до тых полов да и кирпичных,
А й до тою ли до матушки сырой земли.

Смерть Чурилы

- Обувается Чурила, снаряжается,
Наливает Чурила ключевой воды в таз,
Умывает Чурила лицо белое,
Утирает Чурила в тонко льняно полотно,
Сапожки на ножки красна сафьяна,
Красного сафьяна турецкого,
Турецкого, шитья немецкого,
Под пяты-пяты воробей полетел,
Около носочков яичко катил.
10. На головушку шапочку пятьсот-то рублей,
А й пушисту-пушисту, завесисту,
Чтобы спереди не видно лица белого,
Чтобы сзади не видно желтых-то кудрей.
Он берет-то коня, да коня шахманка,
Во двенадцать сёделышек заседлывает,
Во двенадцать он подпружков подтягивае.
Подпружки были шелковыи,
А й супруженки золоченыи,
А й не ради красы, всё ради крепости.
20. А й шелк-то не рвется, булат тот не трется,
Красно золото не ржавеёт.
Видли-то Чурилушку сядучись,
А й не видли удалого поедучись —
Во цистом-то поли да одна пыль стоит.
Увидала Катерина Викулична,
Она во пояс бросалась во косивчато окно,
Она скоро-то шла да по новым сениям,
- А еще того скорее ко широким воротам.
Отпирала широкие воротика,
30. Запускала Чурилушку Плёнковича,
А й ставила коня да во конину стойлу,
Во кониную стойлу лошадиную,
А й насыпала пшоны да белояровой,
Отошла от коня да поклониласи;
«Уж ешь ты конь, да нецистой дух,
Не для тебя поклоняюсь, для хозяина,
Для хозяина, да для Чурилушки,
Для Чурилушки да для Плёнковича».
Брала Чурилу за белыи руки,
40. За белыи руки все злаченый перстни,
Целовала во уста да во сахарнии,
Проводила Чурилу во светлы светлицы:
«Сядем-ко, Чурилушка, во шашечки играть».
Оны раз-то играли — пригрывали,
Оны другой-то играли — выигрывали.

- «Бросим-ка, Чурила, шашечну игру,
 Ляжем-ко, Чурила, на тисовую кровать,
 На тисовую кроватку, призабавимся».
 Увидала тут девчоночка чѣрная,
 50. Черная девчоночка челядинка.
 «Еще что же, Катерина Викулична,
 У тя гость в гостях да быдто брат родной,
 Быдто брат родной, да быдто муж с женой».
 Испроговорит Чурилушка Плѣнкович:
 «Черна девчоночка челядинка!
 Вот те, девчоночка, шапочка,
 Шапочка да пятьсот рублей,
 Ушиста, пушиста, завесиста,
 Чтобы спереди не видно лица чѣрного,
 60. Чтобы сзади не видно вшивого пучка.
 Еще вот те девчонка, полтинка серебра,
 Полтинка серебра да на румянишка,
 Еще вот тебе друга на белилушка».
 Испроговорит Катерина Викулична:
 «Еще ай же ты, Чурилушка Плѣнкович!
 Еще шапочку-то эту сам сдержи,
 А й полтинки серебра мнѣ-ка-ва отдай».
 А й девчоночку пало не по нраву,
 Она скоро-то да по чистому полю,
 70. А еще того скорее во божью церкву,

134

- Не крестя, ни моля да лица чѣрного.
 Испроговорит Пермян да сын Васи́льевич:
 «Еще что же ты, девчоночка черная,
 Черная девчоночка челядинка,
 Не крестя, ни моля да лица черного».
 «Ты повыслушай, Пермян да сын Васильевич!
 У тя гость в гостях, да быдто брат родной,
 Быдто брат родной, да быдто муж с женой».
 Он скоро-то шел да по чистому полю,
 80. А еще того скорее ко широким воротам.
 Увидала Катерина Викулична:
 «Еще ох-ти мне да пере-ох-ти мне,
 Куды-то я кладу да Чурилушку,
 А й Чурилушку да Плѣнковича».
 Еще брала тут она да золотыи ключи,
 Отмыкала она тут кованьи ларцы,
 Полагала Чурилушку Плѣнковича».
 Она скоро-то шла да по новым сеням,
 А еще того скорее по широким воротам,
 90. Отпирала широкие воротика,
 Запускала Пермяна Васи́льевича.

- «Еще что же, Катерина Викулична,
А в одних ты чулочках без чоботков?
У тя гость в гостях, да быдто брат родной,
Быдто брат родной, да быдто муж с женой».
«Ты повыслушай, Пермян да сын Васильевич,
Еще была калика перехожая:
Накормила, напоила, на перинки отдохнул».
Поворот-то держал Пермян сын Васильевич.
100. Он скоро-то шел да по чистому полю,
А еще того скорее во божью церкву,
Сам говорит таковое слово:
«Черная девчоночка челядинка!
Завела говорить, так ты доказывай».
«Ты повыслушай, Пермян да сын Васильевич,
Ты поди-тко во свою да во конину стойлу,
Во кониную стойлу лошадиную,
Там стоит ведь Чурилино конишечко».
Поворот-то держал Пермян Васильевич.
110. А й он скоро-то шел да по чистому полю,
А еще того скорее во кониную стойлу,
Во кониную стойлу лошадиную —
Там стоит-то Чурилино конишечко.

135

- Он замах-то держал да на конишечка —
У конишечка головушка скатилася.
Еще сам говорит да таковое слово:
«Еще что-же, Катерина Викулична,
А й откуль у тебя да конишечко?
А й конишечко да Чурилино?»
120. «Ты повыслушай, Пермян да сын Васильевич!
Как крестовые братьици съезжались,
Они добрыма коньми поменялися».
Поворот-то держал Пермян Васильевич.
А й он скоро-то шел по чистому полю,
А еще того скорее во божью церкву,
Сам говорит таковое слово:
«Еще черна девчоночка челядинка,
Завела говорить, так ты доказывай».
«Ты повыслушай, Пермян да сын Васильевич,
Ты поди-тко во свои да светлы светлицы».
130. Поворот-то держал Пермян Васильевич,
А й он скоро-то шел по чистому полю,
А еще того скорее в светлы светлицы,
А й брал-то свои да злоченныи ключи,
Отмыкал-то свои да кованныи ларцы,
Откуль выскочил Чурилушка Плёнкович.

- Он замах-то держал да на Чурилушку,
У Чурилушки головушка скатиласи.
Говорит Катерина Викулична;
140. «Куды пала Чурилина головушка,
Тут скатись-ко моя буйна головушка».
Он замах-то держал да на Викуличну,
У Викуличны головушка скатиласи.
Как не белые лебеди слеталися,
Две головушки вместе скатилоси.
Поворот-то держал Пермьян Васильевич.
А й он скоро-то шел да по чистóму полю,
А еще того скорее во божью церкву,
Еще сам говорит да таковое слово:
150. «Черна девчонка челядинка!
Знала бы ты да коров кормить,
Коров кормить да телят поить,
А не знала бы ты мужних жен доказывати».
Он замах-то держал да на девчоночку,
У девчоночки головушка скатиласи.
Он тупым-то концом да о сыру́ю землю́,
А й он вострым концом да в свою бѣлую грудь.

Рахта Рагнозерский

- Проезжал борец было неверный,
Много городов прошел,
Много он борьцов повалил,
Иных он до смёрти убил.
Приезжае он в Москву да белокаменну,
Сам же князю похваляется:
«Ай же, князь, ты московский!
Дай мне нуньчу поединщичка.
Ты не дадешь нам да поединщичка,
10. Я вашею Москву да всю огнём прижгу».
Много находилоси младых борьцов,
А никто не может с ним да супротивиться,
А й борец против его да не находится.
Из той же из-под северной сторонушки
А стоят же мужики да балахонники,
А й самы оны да испроговорят:
«Кабы наш-то же да Рахта Рагнозерский,
Этого борьца он бы нунь в кучку склал!»
Подходит человек да незнакомый,
20. У тех же мужиков он да спрашивает:
«Вы откуда мужички да балахонники,
А какой же у вас Рахта Рагнозерский?»
Отвечали мужики да балахонники:
«Наш бы Рахта Рагнозерский
Этого борьца да он бы в кучку склал».
Подхватили мужиков да балахонников,
А держали их-то в крепости.

137

- Отправляли тут скорá гонца
В ту деревню Рагнозерскую,
30. За тем Рахтой Рагнозерским.
Приезжает тут гонец было московский
В ту деревню Рагнозерскую.
Не случилось было Рахты дома ли,
При тоём гонци да при московском:
Находился Рахта в лисях е.
Спрашивает гонец было московский:
«Эталь есть да Рахта Рагнозерский?»
Отвечает тут ему да было женщина:
«Тут живет же Рахта Рагнозерский,
40. Ты откудова удалый добрый молодец?»
«Я из той Москвы да белокаменной,
Тот гонец да было скорый,
А за тем было за Рахтой Рагнозерским.
Требуе тут было князь московский,
С тым борьцом да поборотися,

- А с неверным поратиться».
Отвечает ёму женщина:
«Ай же ты, гонец было московский!
Как из лесу приде Рахта Рагнозерский,
50. Не серди ты-тко его голодного,
А й голодного ёго да холодного.
Дай ему волю хлеба нунь покушати,
А тожно ты его да нуньчу спрашивай».
Тут приходит с лесу Рахта Рагнозерский,
Сготовляет обед да ёму женщина.
Он же сел тут хлеба кушати.
А поел же тут нунь Рахта Рагнозерский,
Ты ставае да гонец было московский,
А й ему же тут нунь покланяется:
60. «Ты есть нуньчу Рахта Рагнозерский?
Требуе́т тя князь нуньчу́ московский,
С тым борьце́м да поборотиться,
Что ль с неверным да попытаться».
«Отправляйся-ко, гонец да ты московский,
Нунь в Москву свою да белокаменну.
Я послушаю нунь князя да московского,
А прибуду я в Москву да на борение,
Да прибуду нунь попрежде вас.
А прибуду буде раньше вас,
70. Гди искать мне князя да московского?»
«Ты прибуде́шь нунь в Москву да белокаменну,
Спросишь же ты князя там московского,
Там тебе-ка-ва покажут ли».
А й гонец в Москву да отправляется;
Рахта тут на лыжи было ставится,
Что ли Рахта тут в Москву да отправляется,
Да попрежде тут гонца в Москву он ставится.
Отыскал же тут он князя, да московского,
А кормили тут его да было досыти,
80. А поили тут его да было допьяна.
Тот гонец в Москву было прискакивал,
А про Рахту он у князя было спрашивал.
Отвечает тут да князь было московский:
«Здесь-ко Рахта что ль в Москвы да объявляется,
Именём своим да Рахта называется».
Говорит гонец было московский
Что ли князю да московскому:
«Ты держи-тко ёго сутки да голодного,
Тожно ты спусти к борьцу да на борение́,
90. А к неверному на показание́».
Выдержали сутки да голодного,
А спустили тут его да на борение́.

Говорит тут Рахта Рагнозерский:
«Я бороться князь да нунечу не знаю ли,
Я поратиться с борьцом да не умею ли,
Да привычка нунь у нас да была женская».
Как ухватит он борьца за плечи ли,
Да топнет тут борьца да о кирпичен мост,
Сбил его всего да в кучку вдруг.

100. «Ай же ты, да Рахта Рагнозерский!
Чим тебя да нунечу пожертвовать?»
«Ничего мне, князь, не надобно,
Дай-ко мие-ка благословеньицо,
Что ль на нашем было на озерушке
Не ловили да мелкою там рыбушки
А без нашего да дозволеньица».
Дал ему да князь было московский,
Дал ему да князь тут дозволеньицо,
Чтоб не ловили без его благословеньица.

Сухман

- Было во славном во городе во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
Заводился у него-то тут почестной пир.
На том на пиру у Владимира
Были князи ведь тут, вси ведь бо́яра,
А вси сильни могучи вси богáтыри;
А сидит во самом-то во большóм углу,
А Сухмáн да сидит сын Долмáнтъевич.
Вси князи оны вси тут бо́яра,
10. Сильнии могучии богáтыри,
Едят-то, пьют, вси-то кушают,
И белую лебедь оны рушают.
Молодой Сухман сын Долмáнтъевич
Он не ест, не пьет, сам не кушает,
Белой лебеди сам не рушает,
Ничим мо́лодец сам не хвастает.
Згóворит Владимир стольно-киевской:
«Что же ты, Сухман сын Долмáнтъевич,
Ты не ешь, ты не пьёшь, ты не кушаешь,
20. Белой лебеди сам не рушаешь,
Ничим молодец сам не хвастаешь?»
Воспрогóворит Сухман сын Долмáнтъевич:
«Ах же ты, Владимир столен-киевской!
Дай-ко мне времечки день с утра,
День с утра и как до вечера,
Мне поездить Сухману нынь по за́водям:
Привезу ти лебедушку живьём в руки,

140

- А на твои на пир княженецкии,
На твои на стол на дубовьи».
30. Дал ему времечки день с утра,
День с утра и как до вечера.
Поехал Сухман сын Долмáнтъевич;
Он ездил день с утра до вечера
А по тихим глубоким по заводям,
Не наехал ни на гуся, ни на лебедя,
Ни на серого на малого утёныша.
Проездил Сухман тройи суточки,
Приехал Сухман сын Долмáнтъевич
Ко матушке ко Непры-реки.
40. А у той ли матушки Непры-реки,
А стоит тут сила ведь-то малая —
Вода с песком возмутилася;
Стоит за Непро́й, за Непро́ю-рекой
А неверныи силы сорок тысячей,
Мостят мосты все кали́новьи,

- Ладят тут перейти через ту́ Непру,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ладят Киев-град как огнём пожгать,
50. А Владимира того во полон-тот взять.
Тут Сухман сдогодается,
А пошел Сухман за тую́ Непру,
Находил ён дубиночку вязиночку:
В долину́ как дубина десяти́ сажон,
В толщину как дубина три обóймени.
Тут Сухман снаряжается,
За вершинку брал, с ко́мля со́к бежал.
Стал по поганьим похаживать,
По тою по силе по неверным,
60. Стал ён дубиною помахивать,
Убил ён татар сорок тысячей;
Со всех сторон дубину приуцолкал ён,
В кровь ён дубину приомарал тут,
А из поганьи из силы тут
Оставалось только два татарина.
А ёны от его обряжались,
За тые за кустя завалялися.
Пошел тут Сухман ён во Киев-град
Ко тому ли князю ко Владимиру.
70. Го́ворит Владимир таково слово:

141

- «Что же долго ты ездил, Сухман, теперь?
Ездил ты да трои суточки,
Привез ты ко мне нынь лебе́душку,
Обещался кою́ да живьём в руки,
А ни серого, ни малого утёныша».
Ответ держит Сухман как тут,
Ответ держал сын Долма́нтьевич:
«Не до того мне-ка нынь деялось.
Был я ведь нынь за Непро́й-рекой,
80. Увидал силы сорок тысячей,
Той ли силы поганьи,
Той ли силы всё неверным.
Оны ладили тут как ведь Киев-град,
Киев-град как огнём пожгать,
А Владимира тебя в полон как взять».
А говорят князи́ ведь и бо́яра,
А и сильни могучи бога́тыри:
«Ах ты, Владимир столен-киевской!
Не над нами Сухман насмехается,
90. Над тобою Сухман нарыгается,
Над тобой ли нынь как Владимир князь».

- За тьи за речи за похвальными
Посадил его Владимир стольно-киевской
Во тый погреба во глубокии,
Во тый темницы темнии:
Железными плитами задвигали,
А земле́й его призасыпали,
А травой его замуравили,
Не много ли не мало лет то на́ тридцать.
100. Послали туда ведь то осле́довать
Ко той ли ко матушки Непры́-реки
Старо́го каза́ка Илью Муромца.
А пошел старо́й казак Илья Муромец,
Он пошел к матушки Непрю́-реки,
А стал Илья как по силе похаживать,
По той ли силы он поганыи,
По той ли по силы все неверныи.
Он нашел там дубиночку вязиночку,
А лежит она меж силы меж поганою.
110. А лежит тая дубина девяти сажон,
В толщину тая дубина три обо́ймени,
Со всех сторон дубина приущолкана,
В кровь дубина приомарана.

142

- Пошел да старо́й ён ко городу,
Ко тому ко городу ко Киеву,
Увидал два татарина поганыих.
Говорят тут татарины поганыи:
«Ты куда, калика, перехаживашь,
Ты откуль иде́шь, откуль путь держишь?»
120. Воспроговóрит старо́й Илья Муромец:
«Я иду ведь от города от Киева,
От ласкова князя Владимира».
Говорят татарины поганыи:
«У вас как ведь есть нынь во Киеви
А бога́тырь старо́й Илья Муромец.
По многу заедат-то хлеба к выти он,
По многу ль выпиват питья медвяного?»
Говорит Ильюша таково слово:
«У нас как было нынь во Киеви,
130. У ласкова князя Владимира,
Ест хлеба по калачику крупивчату,
Запивае стаканчиком медвяным».
«То тут у Ильюши ведь не сила есть —
Как мы есть поганы татарова,
Едим хлеба к выти по печи печеного,
По ушату пьем водоносных».
Воспроговóрит Илья тут ведь Муромец:

- «У нас было во городе во Киёви,
При ласковом князи Владимири,
140. Коровище была обжорище,
Она много ела, вино пила тут,
Нынѣ вся она теперѣ перелопала».
Тут татаринам поганым не к лицу пришло,
Выскакали со шатра полотняного,
Кинули в Ильюшу ножище оны тут.
Попало тут во дверь во дубовую,
Выскочила тут и со липиньямы.
Взял Ильюша старой тут ведѣ Муромец
Клюху свою он дорожную,
150. А ударил ён по татаровам —
Тут у татаринѣ души нету.
Приходит старой Илья Муромец
Ко городу ко тому ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ответ держал, выговаривал:
«Правда Сухмана Долмантьевича,

143

- Чем Сухман только хвастает.
Был-то я у Непры-реки,
Видел силы поганой убитою,
160. Числом лежит сорок тысячей.
Меж тьма меж поганыма татарамы
Увидел дубину девяти сажон,
В толщину дубина три обоймени,
Со всих сторон дубина приуцолкана,
В кровь ту дубина приомарана».
Сговорит Владимир таково слово:
«Ах же, вы князи, вы бояра,
А вы сильни могучи все богатыри!
Выводите Сухмана со погребов,
170. Со тых погребов со глубоких,
А со тых ли со темниц со темных».
Тут приходили князи бояра,
Сильни могучи богатыри;
Траву ту всю оны тут вырвали,
Землю из плиты ведѣ повырыли,
Железную плиту повыняли,
Выводили Сухмана сына Долмантьевича
Со тых погребов со глубоких,
Со тых ли со темниц со темных.
Воспроговорят ему все князи бояра:
180. «Ах ты, Сухман сын Долмантьевич!
За твои услуги великии,
Тебя пожалует Владимир столен-киевской,

- Золотою казной тебя долюби,
Городами-то да с пригородками,
Приселами-то да со приселками».
Выходит Сухман сын Долмантьевич
Со тых погребов со глубоких,
Со тых ли со темниц со темных,
190. Говорит Сухман таково слово:
«А не честь хвала молодецкая
Брать города с пригородками,
Брать присела да со приселками,
Брать мне бессчетна золота казна,
А моя есть смерть напрасная,
От тых от ран от великих».
Выдергал он листочки маковые:
«Протеки от ран от великих,
Протеки Сухман-река ты кровавая!»

С а д к о

- А как ведь во славноём в Нове́-гради,
А й как был Садке́ да гусельщик-от,
А й как не было много несчетной золотой казны,
А й как только ён ходил по честным пирам,
Спотешал как он да купцей, бояр,
Веселил как он их на́ честных пирах.
А й как тут на́д Садком топерь да случилось:
Не зовут Садка́ уж целый день да на почестен пир,
А й не зовут как другой день на почестен пир,
10. А й как третий день не зовут да на почестен пир.
А й как Садку́ топерь да соскучилось,
А й пошел Садке да ко Ильме́нь он ко озеру,
А й садился он на синь на горюч камень,
А й как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра, как день топерь до вечера.
А й по вечеру как по позднему
А й волна уж в озере как сходиласе,
А как ведь вода с песком топерь смутиласе,
А й устранился Садке́ топеречку да сидети он,
20. Одоле́л как Садка страх тепе́рь великийи,
А й пошел вон Садке́ да от озера,
А й пошел Садке́ как во Но́в-город.
А опять как прошла топерь те́мна ночь,
А й опять как на дру́гой день
Не зовут Садка да на почестен пир,
А другой-то да не зовут его на почестен пир,
А й как третий-то день не зовут на почестен пир.

145

- А й как опять Садку топерь да соскучилось,
А пошел Садке́ ко Ильме́нь да он ко озеру,
30. А й садился он опять на синь да на горюч камень,
У Ильме́нь да он у озера.
А й как начал играть он опять во гусли во яровчаты,
А играл уж как с утра день до вечера.
А й как по вечеру опять как по позднему,
А й волна уж как в озери сходиласе,
А й как вода с песком топерь смутиласе,
А й устранился опять Садке́ да новгородскийи,
Одоле́л Садка уж как страх топерь великийи,
А как пошел опять как от Ильме́нь да от озера,
40. А как он пошел во свой да он во Но́в-город.
А й как тут опять над ним да случилось:
Не зовут Садка опять да на почестен пир.
А й как тут опять другой день не зовут Садка да на
почестен пир,

- А й как третий день не зовут Садка да на почестен пир,
 А й опять Садку топерь да соскучилось.
 А й пошел Садкѣ ко Ильмѣнь да ко озеру,
 А й как он сажился на синь горюч камень да об озеро,
 А й как начал играть во гусли во яровчаты.
 А й как ведь опять играл он с утра до вечера,
50. А волна уж как в озери сходиласе,
 А вода ли с песком да смутиласе,
 А тут осмелился как Садкѣ да новгородский
 А сидеть играть как он об озеро.
 А й как тут вышел царь водяной топерь со озера,
 А й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
 «Благодарим-ка, Садкѣ да новгородский,
 А спотешил нас топерь да ты во озери.
 А у меня было да как во озери,
 А й как у меня столованье да почестен пир,
60. А й как всех развеселил у меня да на честном пиру
 А й любезных да гостей моих.
 А й как я не знаю топерь Садка тебя да чем пожаловать.
 А ступай, Садкѣ, топеря да во свой во Нов-город,
 А й как завтра позовут тебя да на почестен пир,
 А й как будет у купца столованье почестен пир,
 А й как много будет купцев на пиру, много новгородских.
 А й как будут все на пиру да напиватисе,

146

- Будут все на пиру да наедатисе,
 А й как будут все пофальбами теперь да пофалятисе,
70. А й кто чим будет топерь да фастати,
 А й кто чим будет топерь да похвалятисе:
 А иной как будет фастати да несчетной золотой
 казной,
 А как иной будет фастать добрым конем,
 Иной буде фастать силой-удачей молодецкою,
 А иной будет фастать молодой молодечеством.
 А как умной разумной да будет фастати
 Старым батюшкой, старой матушкой,
 А й безумный дурак да буде фастати
 А й своей он как молодой женой;
80. А ты Садке, да пофастай-ко:
 А я знаю, что в Ильмѣнь да во озери,
 А что есте рыба-то перья золотыи ведь.
 А как будут купцы да богатые,
 А с тобой да будут споровать,
 А что нету рыбы такою ведь,
 А что топерь да золотыи ведь.
 А ты с нима бей о залог топерь великий,

- Залагай свою буйную да голову,
 А как с них выряжай топерь
90. А как лавки во ряду да во гостиноём,
 С дорогима да товарамы.
 А потом свяжите невод да шёлковой,
 Приезжайте вы ловить да во Ильмёнь во озеро.
 А закиньте три тони́ во Ильмёнь да во озери,
 А я в каждую тоню дам топерь по рыбины,
 Уж как перья золотыи ве́дь.
 А й получишь лавки во ряду да во гостиноём,
 С дорогима ве́дь товарамы,
 А й потом будешь ты купец Садке́ как новгородский,
100. А купец будешь богатый».
 А й пошел Садке́ во свой да как во Нов-город.
 А й как ве́дь да на дру́гой де́нь,
 А как по́звали Садка да на почестен пир
 А й к купцю да богатому.
 А й как тут да много собиралосе,
 А й к купцю на почестен пир
 А й купцей как богатых новгородских.
 А й как все топерь на пиру напивалисе,
 А й как все на пиру да наедалисе,
110. А й пофальбами все пофалялисе.
 А кто чем уж тепе́рь да фа́стает,
 А кто чем на пиру да похваляе́тся:
 А и́ной фа́стае как несче́тной золо́той ка́зной,
 А и́ной фа́стае да до́бры́м коне́м,
 А и́ной фа́стае си́лой уда́чей мо́лодецко́ю,
 А й как умной топерь уж как фа́стает,
 А й старым ба́тюшкoм, ста́рой ма́тушкой,
 А й безумный ду́рак уж как фа́стает,
 А й как фа́стае да как сво́ей мо́лодой же́ной;
120. А сидит Садке́ как ничим да он не фа́стает,
 А сидит Садке́ как ничим он не похваляе́тся.
 А й как тут сидят купци бо́гатыи новгородскийи,
 А й как говоря́т Садку́ таковы слова:
 «А что же, Садке́, сиди́шь, ничим же ты не фа́стае́шь,
 Что ничим, Садке́, да ты не похваляе́шься?»
 А й говоря́т Садке́ таковы слова:
 «А й же вы, купци бо́гатые новгородские!
 А й как чим мне Садку топерь фа́стати,
 А как чем-то Садку похваля́тися?»
130. А нету у мя много несче́тной золо́той ка́зны,
 А нету у мя как прекра́сной мо́лодой же́ны,

- А как мне Садку только есть одним да мне пофастати:
Во Ильмень да как во озеры,
А есте рыба как перья золотыи ве́дь».
А й как тут купци богатыи новгородскийи,
А й начали с ним да оны спо́ровать:
Во Ильмень да что во озеры,
А нету рыбы такою, что,
Чтобы были перья эолотыи ве́дь.
140. А й как говорил Садке́ новгородскийи:
«Дак заложу я свою буйную головушку,
Боле заложить да у́ мя нечего».
А оны говоря: мы заложим в ряду да во гостино́ём,
Шесть купцей, шесть богатыих;
И залагали ве́дь как по лавочки
С дорогима да с товарамы.
А й тут послы этого,
А связали невод шёлковой,
А й поехали ловить как в Ильме́нь да как во озеро.
150. А й закидывали тоню во Ильме́нь да ве́дь во озеры,
А рыбу уж как добыли перья золотыи ве́дь;
А й закинули дру́гу тоню во Ильмень да ве́дь во озеры,

148

- А й как добыли другую рыбину перья золотыи ве́дь;
А й закинули третью тоню да во Ильмень да ве́дь во
озеры,
А й как добыли уж как рыбинку перья золотыи ве́дь.
А топерь как купци да новгородскийи богатыи,
А й как видят — делать да нечего,
А й как вышло пра́вильнё, как говорил Садке́ да
новгородскийи.
- А й как отперлись ёны да от лавочек,
160. А в ряду да во гостино́ём,
А й с дорогима ве́дь товарамы.
А й как тут получил Садке́ да новгородскийи
А й в ряду во гостино́ём
А й шесть уж как лавочек с дорогима он товарамы,
А й записался Садке́ в купци да в новгородскийи,
А й как стал топерь Садке́ — купец богатый.
А й как стал торговать Садке́ да топеречку
В своём да он во городи,
А й как стал ездить Садке́ торговать да по всем местам,
170. А й по прочим городам, да он по дальниим,
А й как стал получать барыши да он великие.
А й как тут да после этого
А женился как Садке́, купец новгородскийи богатый.

- А еще как Садке́ после этого,
А й как выстроил он палаты белокаменны,
А й как сделал Садке да в своих он полатушках,
А й как обделал в теремах да все по небесному:
А й как на́ неби пекёт да красное уж солнышко,
В теремах у его пекёт да красно солнышко;
180. А й как на́ неби светит млад светёл месяц,
У его́ в теремах да млад светёл месяц;
А й как на́ неби пекут да звезды частыи,
А у его в теремах пекут да звезды частыи;
А й как всем изукрасил Садке́ свои полаты белокаменны.
А й топерь как ведь после этого
А й сбирал Садке́ столованьё да почестен пир,
А й как всех своих купцей богатых новгородских,
А й как всех-то господ он своих новгородских,
А й как он еще настоятелей своих да новгородских;
190. А й как были настоятели новгородские,
А й Лука Зиновьев ведь да Фома да Назарьев ведь,
А еще как сбирал-то он всих мужиков новгородских,
А й как повел Садке́ столованьё почестен пир богатый.

149

- А теперь как все у Садка на честнóм пиру,
А й как все у Садка да напивалисе,
А й как все у Садка топерь да наедалисе,
А й похвальбами-то все да пофалялисе.
А й кто чим на пиру да уж как фастает,
А й кто чим на пиру похваляется:
200. А йной как фастае несчетной золотой казной,
А йной фастае как добрым конём,
А йной фастае силой могучею богаты́рскою,
А йной фастае славным отечеством,
А йной фастат молодым да молодечеством;
А как умной разумной как фастает
Старым батюшком, да старой матушкой,
А й безумный дурак уж как фастает
А й своей да молодой женой.
А й как ведь Садке́ по полатушкам он похаживат,
210. А й Садке́ ли то сам да выговариват:
«А й же, вы купци новгородские, вы богатые,
А й же все господа новгородские,
А й же все настоятели новгородские,
Мужики как вы до новгородские!
А у меня как вси вы на честнóм пиру,
А вси вы у мня как пьяны-веселы,
А как вси на пиру напивалисе,

- А й как все на пиру да наедались,
А й похвальбами все вы похвалялись.
220. А й кто чим у вас топерь хвастает:
А и́ной хвастает как былицею,
А и́ной фастает у вас да небылицею.
А как чем буде мне, Садку, топерь пофастати?
А й у мя у Садка́ новгородского,
А золота казна у мя топерь не тощится,
А цветное платице у мя топерь не дёржится,
А й дружинушка хоробряя не изменяется,
А сколько мне, Садку, бу́дет пофастати,
А й своёй мне несчетной золотой казной:
230. А на свою я несчетну золоту казну
А й повыкуплю я как все товары новгородские,
А как все худы́ товары я добрые,
А что не буде боле товаров в продаже во городи».
А й как ставали тут настоятели ведь новгородские,
А й Фома да Назарьев ведь,
А Лука да Зиновьев ведь,

150

- А й как тут ставали да на резвы́ ноги,
А и как говорили самы́ ведь да таковы слова:
«А й же ты, Садке́, купец богатый новгородский!»
240. А о чем ли многом бьешь с намы о велик заклад,
Ежели выкупишь товары новгородские,
А й худы товары все добрыи,
Чтобы не было в продаже товаров да во городи?»
А й говорил Садке им наместо таковы слова:
«А й же вы настоятели новгородские!
А сколько угодно у меня фатит заложить бессчётной
золотой казны».
- А й говоря настоятели наместо новгородские:
«А й же ты, Садке да новгородский!
А хошь ударь с намы ты о тридцати о тысячах».
250. А ударил Садке о тридцати да ведь о тысячах.
А й как все со честного пи́ру розъезжались,
А й как все со честного пи́ру розбিরались,
А й как по своим домам, по своим местам.
А й как тут Садке, купец богатый новгородский,
А й как он на другой день вставал поутру, да по
раному,
А й как ведь будил он свою ведь дружинушку хоробряю,
А й давал как он да дружинушки
А й как до́люби он бессчётныи золоты́ казны;
А как спущал он по улицам торговым,
260. А й как сам прямо шел во гостиной ряд;

А й как тут повыкупил он товары новгородские,
 А й худы товары все добрые.
 А й ставал как на другой день
 Садке́ купец богатый новгородский,
 А й как он будил дружинишку хоробрую,
 А й давал уж как до́люби бессчётныи золоты́ казны,
 А й как сам прямо шел во гостиный ряд,
 А й как тут много товаров принавёзено,
 А й как много товаров принаполнено,
 270. А й на ту на славу великую новгородскую;
 Он повыкупил еще товары новгородские,
 А й худы товары все добрые.
 А й на третий день ставал Садке́, купец богатый
 новгородский,
 А й будил как он да дружинишку хоробрую,
 А й давал уж как до́люби дружинишки
 А й как много несчётной золотой казны,

151

А й как распущал он дружинишку по улицам торговым,
 А й как сам он прямо шел да во гостиный ряд.
 А й как тут на славу великую новгородскую
 280. А й подоспели как товары ведь московские,
 А й как тут принаполнился как гостиной ряд
 А й дорогима товарамы ведь московскими.
 А й как тут Садке́ топерь да пораздумался:
 «А й как я повыкуплю еще товары все московские,
 А й на тую на славу великую новгородскую
 А й подоспеют как ведь товары заморские,
 А й как ведь топерь уж как мне Садку
 А й не выкупить как товары ведь
 Со всёго да со белá свету.
 290. А й как лучше пусть не я да богатее,
 А Садке́ купец да новгородский,
 А й как пусть побога́тее меня славный Новгород,
 Что не мог я да повыкупить
 А й товаров новгородских,
 Чтобы не было продажи да во городи,
 А лучше отдам я денежек тридцать тысячей,
 Залог свой великий!»
 А отдавал уж как денежек тридцать тысячей,
 Отпирался о́т залогу да великого,
 300. А потом как построил тридцать ка́раблей,
 Тридцать ка́раблей, тридцать че́рных,
 А й как ведь свалил он товары новгородские
 А й на черныи на карабли,
 А й поехал торговать купец богатый новгородский

А й как на своих на черных на кáраблях.
 А поехал он да по Волхову,
 А со Ладожского выплывал да во Неву-реку,
 310. А й как со Невы́-реки как выехал на синё морё.
 А й как ехал он по синю́ морю,
 А й как тут воротил он в Золоту Орду.
 А й как там продавал он товары да ведь новгородские,
 А й получал он барыши топерь великие,
 А й как насы́пал он бочки ведь сороко́вки ты
 А й как красного золота!
 А й насыпал он много бочек да чистого серебра,
 А еще насыпал много бочек мелкого он крупного
 скатнего жемчугу.
 А как потом поехал он з-за Золотой Орды,
 А й как выехал топеречку опять да на синё морё.

152

320. А й как на синем море устоялисе да черны кáрабли,
 А й как волной-то бьет и паруса-то рвет,
 А й как ломат черны кáрабли,
 А все с места не йдут черны кáрабли.
 А й воспрогóворил Садкé, купец богатый новгородский
 А й ко своей он дружинушки хоробрыи:
 «А й же ты, дружина хоробрая!
 А й как сколько ни по морю ездили,
 А мы Морскому царю дани да не плачивали.
 А топерь-то дани требует Морской-то царь в синё морё».
 330. А тут говорил Садкé, купец богатый новгородский:
 А и возьмите-тко вы мечите-тко в синё морё,
 А й как бочку сороковку красного золота».

А й как тут дружина да хоро́брая
 А й как брали бочку сороковку красного золота,
 А мёта́ли бочку в синё морё.
 А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,
 А й ломает черны кáрабли да и на синём мори,
 Все не йдут с места кáрабли да на синём мори.

340. А й опять воспрогóворил Садке, купец богатый
 новгородский
 А й своей как дружинушки хоробрыи:
 «А й же ты, дружинушка моя ты хоробрая!
 А видно мало этой дани царю Морскому в синё морё.
 А й возьмите-тко вы мечите-тко в синё морё,
 А й как дру́тую ведь бочку чистого се́ребра».
 А й как тут дружинушка хоробрая
 А й кидали как дру́тую бочку в синё морё
 А как чистого да серебра.
 А й как все волной-то бьет, паруса-то рвет,

350. А й ломат черны кáрабли да на синём мори,

А все не йдут с места ка́рабли да на синём мори.
 А й как тут говорил Садке́, купец богатый новгородский
 А й как своей он дружини́шки хоро́бры:
 «А й же ты, дружина хоро́брая!
 А видно этой мало как дани в синё морё,
 А берите-тко третью бочку да крупного-мелкого скатного
 жемчугу,
 А кидайте-тко бочку в синё морё».
 А как тут дружина хоро́брая
 А й как брали бочку крупного-мелкого скатного жемчугу,

153

360. А кидали бочку в синё морё.
 А й как все на синём мори стоят да черны ка́рабли,
 А й волной-то бьет, паруса-то рвет,
 А й как все ломат черны ка́рабли,
 А й все с места не йдут да черны ка́рабли.
 А й как тут говорит Садке́, купец богатый новгородский
 А своей как дружини́шки он хоро́бры:
 «А й же ты, любезная как дружини́шка да хоро́брая!
 А видно Морской-то царь тре́буе как живой головы
 у нас в синё морё.
 А й же ты, дружина хоро́брая!
370. А й возьмите-тко уж, как делайте,
 А й да жеребья да себе во́лжаны,
 А й как всяк свои имена вы пишите на же́ребьи,
 А спускайте жеребья в синё морё;
 А я сделаю себе-то я жеребей на красное-то на золото.¹⁾
 А й как спустим жеребья теперь мы на си́нё морё,
 А й как чей у нас жеребей топерь да ко дну пойдет,
 А тому итти как v нас да в синё морё».
 А у всёй как у дружины хоро́брыи
 А й жеребья топерь гоголём плывут,
380. А й у Садка, купца гостя богатого да ключом на дно.
 А й говорил Садке́ таковы слова:
 «А й как эты же́ребьи е́сть неправи́льны;
 А й вы сделайте жеребьи как на красное да золото,
 А я сделаю жеребей да дубовыи,
 А й как вы пишите всяк свои и́мена да на же́ребьи,
 А й спускайте-тко же́ребьи на синё морё.
 А й как чей у нас же́ребей да ко дну пойдет,
 А тому как у нас итти да в синё морё».
 А й как вся тут дружини́шка хоро́брая
390. А й спускали жеребья́ на синё морё,
 А й у всёй как у дружини́шки хоро́брыи

¹⁾ С золотой надписью (примечание собирателя).

А й как все жеребья́ как топерь да гоголём пловут,
А Садков как жеребей да топерь ключом на дно.
А й опять говорил Садке́ да таковы слова:
«А как эти жеребыи есть неправильни.
А й же ты, дружина хоробрая!
А й как делайте вы как жеребыи дубовыи,
А й как сделаю я жеребей липовой,
А как будем писать мы имена́ все на жеребыи,

154

400. А спущать уж как будем жеребья́ мы на синё морё,
А топерь как в остатниих
Как чей топерь жеребей ко дну пойдет,
А й тому как итти у нас да в синё морё».
А й как тут вся дружина хоробрая
А й как делали жеребыи все дубовые,
А он делал уж как жеребей себе липовой.
А й как всяк свои имена́ да писали на жеребыи.
А й спущали жеребья́ на синё морё.
А у всёй дружинушки ведь хоробрыей
410. А й жеребья́ топерь гоголем плывут да на синём мори,
А й у Садка, купца богатого новгородского ключом на дно.
А как тут говорил Садке́ таковы слова:
«А й как видно Садку да делать топерь нечего,
А й самого Садка требует царь Морской да в синё морё.
А й же ты, дружинушка моя да хоробрая любезная!
А й возьмите-тко, вы несите-тко
А й мою как чернильницу вы вальячную,
А й неси-тко как перо лебединоё,
А й несите-тко вы бумаги топерь вы мне гербовыи».
420. А й как тут как дружинушка ведь хоробрая
А несли ему как чернильницу да вальячную,
А й несли как перо лебединоё,
А й несли как лист-бумагу как гербовую.
А й как тут Садке́, купец богатый новгородский,
А сядился ён на ременчатый стул
А к тому он к столику ко дубовому,
А й как начал он именица своего да он отписывать.
А как отписывал он имения по божьим церквам,
А й как много отписал он имения нищей братии,
430. А как ино именицо он отписывал да молодой жены,
А и достальнёё имение отписывал дружине он хоробрыей.
А й как сам потом заплакал ён,
Говорил ён как дружинушке хоробрыей:
«А й же ты, дружина хоробрая да любезная!
А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,

А что мне свалиться Садку мне-ка на́ доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём
мори».
А й как тут он еще взимал с собой свои гусёлка
яровчаты,
А й заплакал горько, прощался ён с дружинишкой
хороброю,

155

440. А й прощался ён топеричку со всим да со белым светом,
А й как он топеречку как прощался ведь,
А со своим он со Новым со городом;
А потом свалился на́ доску он на дубовую,
А й понесло как Садка на́ доски да по синю́ морю.
А й как тут побежали черны ты ка́рабли,
А й как будто полетели черны вороны;
А й как тут остался топерь Садке́ да на синём мори.
А й как ведь со страху великого,
А заснул Садке́ на той доске на дубовый.
450. А как проснулся Садке купец богатый новгородский
А й в океан-мори да на самом дни,
А увидел — скрозь воду пекет красно солнушко.
А как ведь очутилась (так) возле полата белокаменна —
А заходил как он в палату белокаменну,
А й сидит топерь как во полатушках
А й как царь-то Морской топерь на стули ведь
А й говорил царь-то Морской таковы слова:
«А й как здравствуйте, купец богатый,
Садке да новгородский!»
460. А й как сколько ни по морю ездил ты,
А й как Морскому дарю дани не плачивал в синё морё,
А й топерь уж сам весь пришел ко мне да во подарочках.
Ах, скажут, ты мастёр играть во гусли во яровчаты:
А поиграй-ко мне как в гусли во яровчаты».
А как тут Садке́ видит в синем море делать нечего,
Принужон он играть как во гусли во яровчаты;
А й как начал играть Садке́ как во гусли во яровчаты,
А как начал плясать царь Морской топерь в синём мори,
А от него сколебалосе синё морё,
470. А сходиласе волна да на синём мори,
А й как стал он розбивать много черных ка́раблей да
на синём мори,
А й как много стало ведь тонуть народу да в синё морё,
А й как много стало гинуть именица да в синё морё.
А как топерь на синём мори много люди добрые,
А й как многи ведь да люди православные,
От желаньица как мо́лятся Миколы да Можайскому,

А й чтобы повынес Микула́й их угодник из синя́ моря.
А как тут Садка новгородского как чёсну́ло в плечо
да во правое,

156

- А й как обвернулся назад Садке́, купец богатый
новгородский,
480. А стоит как топерь старичок да назади уж как белый
седатый,
А й как говорил да старичок таковы слова:
«А й как полно те играть, Садке, во гусли во яровчаты
в синём мори!»
А й говорит Садке как наместо таковы слова:
«А топерь у мя не своя воля да в синём мори,
Заставлят как играть мёня царь Морской».
А й говорил опять старичок наместо таковы слова:
«А й как ты, Садке́, купец богатый новгородский,
А й как ты струночки повыври-ко,
Как шпинёчики повы́ломай,
490. А й как ты скажи топерь царю Морскому ведь:
А й у мя струн не случилось,
Шпинёчиков у мя не пригоди́лось,
А й как боле играть у мя не во что.
А тебе скаже как царь Морской,
А й не угодно ли тебе, Садке́, жениться в синём мори
А й на душечке, как на красной на девушке?
А й как ты скажи ему топерь да в синем мори,
А й скажи: царь Морской, как воля твоя топерь в
синём мори,
А й как что ты знаешь, то и делай-ко.
500. А й как он скажет тебе да топеречку:
А й за́утра ты приготовляйся-тко,
А й Садке, купец богатый новгородский,
А й выбирай, как скажет, ты деви́цу себе по́ уму, по
разуму,
Так ты смотри, — перво триста́ девиц ты стадо пропусти,
А ты другое триста девиц ты стадо про́пусти,
А как третье триста девиц ты стадо про́пусти,
А в том стади на конци на остатни́ем
А й идет как девица красавица,
А по фамилии как Чернава-то:
510. Так ты эту Чернаву-то бери в замужество;
А й тогда ты, Садке́, да счастлив будешь.
А й как лягешь спать первой ночи ведь,
А смотри, не твори блуда́ никакого-то
С той девицей со Чернавою».
Как проснешься тут ты в синём мори,

- А о ту риченку о Чернаву-ту.
А ежели сотворишь как блуд ты в синём мори,
Так ты останешься навеки да в синём мори.
520. А когда ты будешь ведь на святой Руси,
Да во своём да ты во городи,
А й тогда построй ты церковь соборную,
Да Николы да Можайскому,
А й как есть я Микола Можайский».
А как тут потерялся топерь старичок да седатый.
А й как тут Садке купец богатый новгородский в
синём мори,
А й как струночки он повырывал,
Шпинёчики у гусёлышек повылломал,
А не стал ведь он боле играть во гусли во яровчаты.
530. А й остоялся как царь Морской,
Не стал плясать он топерь в синём мори.
А й как сам говорил уж царь таковы слова:
«А что же не играшь, Садке, купец богатый новгородский,
А й во гусли ведь да во яровчаты?»
А й говорил Садке таковы слова:
«А топерь струночки как я повырывал,
Шпинёчики я повылломал,
А у меня боле с собою ничего да не случилось».
- А й как говорил царь Морской:
540. «Не угодно ли тебе жениться, Садке, в синём мори,
А й как ведь на душечке на красной да на девушке?»
А й как он наместо ведь говорил ему:
«А й топерь как волюшка твоя надо мной в синём мори».
- А й как тут говорил уж царь Морской:
«А й же ты, Садке, купец богатый новгородский,
А и заутра выбирай себе девицу да красавицу,
По уму себе, да по разуму».
- А й как дошло дело до утра ведь до ранного,
А й как стал Садке, купец богатый новгородский,
550. А й как пошел выбирать себе девицы красавицы,
А й посмотрит, стоит уж как царь Морской.
А й как триста девиц повели мимо их-то ведь,
А он-то перво триста девиц да стадо пропустил,
А друго он триста девиц да стадо пропустил,
А й третье он триста девиц да стадо пропустил,
А посмотрит: позади идет девица красавица,
А й по фамилии что как зовут Чернавою.

Он ту Чернаву любовал, брал за себя во замужество.
А й как тут говорил царь Морской таковы слова:

560. «А й как ты умел да жениться, Садке, в синём мори».
А топерь как пошло у них столованье да почестен пир
в синем мори,
А й как тут прошло у них столованье да почестен пир.
А как тут ложился спать Садкё, купец богатый
новгородский
А в синем мори он с девицею с красавицей,
А в спальней он да в тёплой;
А й не творил с нёй блуда никакова, да заснул в сон
во крепкий.
А й как он проснулся Садкё, купец богатый новгородский,
Ажно очутился Садкё во своём да во городе,
О реку о Чернаву на крутом кряжу.
570. А й как тут увидел: бежат по Волхову
А свои да черныи да кáрабли,
А как ведь дружинушка как хоробряя
А поминают ведь Садка в синём мори,
А й Садка, купца богатого, да жена его
А поминает Садка со всей дружиной хороброю.
А как тут увидла дружинушка,
Что стоит Садкё на крутом кряжу, да о Волхово,
А й как тут дружинушка вся она расчудоваласе,
А й как тому чуду ведь сдивоваласе,
580. Что оставили Садка да на синём мори,
А Садкё впереди нас да во своем во городе.
А й как встретил ведь Садкё дружинушку хоробряю,
Вси черные тут кáрабли.
А как топерь поздоровкались,
Пошли во палаты Садка, купца богатого.
А как он топеричку здоровкался со своей с молодой
женой.
А й топерь как они после этого,
А й повыгрузил он со кáраблей
А как всё своё да он именицо,
590. А и повыкатил как ён всю свою да несчётну золоту
казну.
А й топерь как на свою он несчётну золоту казну
А й как сделал церковь соборную
Николы да Можайскому,
А и как другую церковь сделал пресвятыи богородицы.
- А й топерь как ведь да после этого
А й как начал господу богу он да молиться,
А й о своих грехах да он прощатися,
А как боле не стал выезжать да на синё морё,
А й как стал проживать во своём да он во городе.
600. А й топерь как ведь да после этого,

А й тому да всему да славы́ поют.

Василий Буслаевич

Жил да был Буслав да девяносто лет,
Девяносто лет да целу тысящу,
И за тым Буслав да преставился.
Оставалоси да чадо милое,
А й милоё дитя да что любимое,
Еще мо́лодой Василий да Буславьевич.
И он стал на улицу похаживать,
С малыма ребятками побалывать,
Нехоро́ши у него да по́шли шуточки:

10. И кого ён возьмет за руку,
У того руки да быдто не было,
И кого ён возьмёт за ногу,
У того ноги да быдто не было.
Пошли мужики да новгородчана
К честной вдовы Намельфы Тимофеевны,
И творят на него жалобу великую:
«Честна́ вдова Намельфа Тимофеевна,
Уйми-тко свое да чадо милое,
А и милоё дитя да что любимое,
20. Мо́лода Василья да Буславьева.
Не наполнить нам будет малых детушек!»
— Я теперь тебя, матушка, послушаю. —
Стал он стрелочек поделывать,
Стал на стрелочках подпись ту подписывать:
Кому хочется да сыто есть и пить,
Тот ступай к Василью на широкой двор,

161

- На широкой двор да на почестен пир.
И по́шли мужики да новгородчана,
По́шли старьи да идут малыи,
30. А еще к ему да идут древние.
Спрого́ворит Василий да Буславьевич:
«Кому хочется да сыто есть и пить,
Тот ступай к Василью на широкой двор,
На широкой двор да на почестен пир».
И по́шли мужики да новгородчана,
Идут старьи да идут малыи,
Еще к ему да идут древние.
Испрого́ворит Василий да Буславьевич:
«Кому хочется да сыто есть и пить,
40. Тот ступай к Василью на широкой двор,
На широкой двор да на почестен пир».
И по́шли мужики да новгородчана,
И по́шли старьи да идут малыи,
Еще к ему да идут древние.

- Испроговѣритъ Василий да Буславъевич:
«Не наполнить буде пива пьяного,
Не насытитъ буде меду сладкого».
Испроговѣритъ Василий да Буславъевич:
«Кто истерпит мой черленый вяз,
50. Тот выпьет чару зеленá вина,
Поклон поставит да ѣ во двор пойдет».
Еще как большій тулится на среднего,
Середний-то тулится на меньшего,
От меньшего братá ответа нет.
Пошли мужики да новгородчана,
И говорят оны да таковы слова:
«И не упито-то было да не уедено,
И в краснѣ-то хорошо не было хожено,
На добрых конях не было езжено,
60. Безвечья навек прижали́зано».
И уж тут как нынѣ Василий да Буславъевич,
Допьяна да ёнъ ведъ напивается,
И с похмельица да зашел в маленьку,
В маленьку зашел да во челя́динку,
И с похмельица да плотно спать заснул.
И проведала его да родна матушка,
И заворочала дубьем да колодьям нонѣ,
Чтобы не можно вытти на святую Русь.
Идет девушка, идет служаночка,
70. На Дунай реку идет по́ воду,
И сама Василью нынѣко говорит:
«Ай же ты, Василий да Буславъевич!
Долго спишь ты, ведъ не пробудишься,
И твоѣ братьѣ, дружина все хоробрая,
К далечи-далечи во чистомъ поли,
А и бьются нонѣ они да ратятся,
Главы кушакамы перевязаны,
И ужо оны да во руды ходят».
Спроговѣритъ Василий да Буславъевич:
80. «Ай же ты, девушка, ай же ты служаночка!
И сослужи-тко мне службу невеликую,
И сроботай-ко роботу нетяжелую,
И отворочай-ко все дубье да колодьа нонѣ,
И повыпусти Васи́лия на святую Русь».
Послушала его ведъ девушка,
Послушала его служаночка,
Отворочала все дубья да колодьа нонѣ,
И повыпустит Васи́лия на святую Русь.
И уж как наскори попала тут тележна ось,
90. Взял он осью той да помахивать,

- Взял он мужиков да поколачивать,
И ужо мужиков да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана,
Пошли к старцищу, пошли к Ондронищу
И к его оцищу таки крестному:
«Ай же ты, старцище, ай же Ондронище!
И уйми-тко чадо милое, дитё любимое,
Еще мо́лода Василья да Буславьева,
И оставь-ко мужиков хоть и на се́мена».
100. И пошел старцище, пошел Ондронище,
И на главы-то несе колокол,
Языком подпирается.
Что Василий сдогадается:
«Ай же ты, старцище, ай же ты Ондронище!
Да мое оцищѣ таки крестное!
Не дано яичко ти христовское,
Вот теби яичко нонь петровское,
И уж ты взглянь ко на́ небо,
Что на́ неби-то деется».
110. И взглянул старцище, взглянул Ондронище,
И у́пер старцище да под ясны́ очи,
И у́пал старцище да о сыру землю,

163

- Только старцищѣ да ведь ён жив бывал.
Уж как тут-то нонь Василий да Буславьевич,
Уж как стал он осью-то помахивать,
Стал мужиков доколачивать,
И ужо мужиков да мало ставится.
Пошли мужики да новгородчана
К честной вдовы да к Тимофеевной,
120. И говорят оны да таковы слова:
«И честна́ вдова, да ты Намельфа Тимофеевна!
И уйми-тко свое чадо милое,
А и милоё дитё любимое,
И что мо́лода ль Василья да Буславьева,
И оставь-ко мужиков хоть и на се́мена».
- И уж как тут честна́ вдова да Тимофеевна
И садилась ёна да на добра́ коня,
И поехала во да́лече, в да́лече в чисто́ поле,
А еще к нему сзади́ да призаехала
130. И захватила ёго за руки за белыи
И за него перстни что за злаченные,
И говорит она да таковы слова:
«Ай же ты, да мое дитя́тко,
И уж ты, мо́лодой Василий да Буславьевич!
Теби полно во поли нонь поляковать,

- И оставь-ко мужиков хоть и на се́мена».
И говорит-то нонь Василий да Буславьевич:
«Ай же ты, да моя матушка!
Кабы ты ко мне да спереди́ зашла,
140. Я теперь бы тебе живой да не спустил —
И расходилось мое сердце богаты́рское.
Я теперь тебя матушка послушаю.
Ай же вы, дружье́-братье́ хороброе,
Садитесь-ко на на́сады черленые,
Поедьте по-славному веряжскому!»
И поехали по-славному по-веряжскому,
Заехали на гору сорочинскую,
И ничего-то на горы они да не нашли,
Столько лежит-то на горы да кость, суха глава,
150. Кость, суха глава, да человеце́цка.
И уж как стал Василей кости-то попинывать
И суху главу да поталыхивать (*так*):
«Ты прове́щись-ко да кость, суха глава,
Кость, суха глава, да человеце́цкиим голосом,
Али ты кость да е моше́нница,

164

- Али ты кость да подорожница,
Али ты кость да е татарская,
Али ты кость да е крестья́нская?»
И прове́щилась да кость, суха глава,
160. И человеце́цкиим голосом:
«Ай же ты, Василий да Буславьевич,
Ты меня, кости, не попинывай,
И сухой главы не поталыхивай.
Я ведь кость-то не моше́нница,
Я ведь кость не подорожница,
Я ведь кость-то не татарская,
Я ведь кость была крестья́нская.
Ай же ты, Василий да Буславьевич!
Уж как тут же будешь ты кататися,
170. Тут же будешь ты валя́тися».
Уж как тут Василью стосковалоси:
«Ай же вы, дружье́-братье́ хороброе!
И пойдемте по горы по сорочинские».
И пошли-то по горы по сорочинские,
И ничего-то на горы они да не нашли;
Есть только лежит на горы белый камешок,
И на камешке подпись-то подписана:
И кто заеде на гору на сорочинскую,
И скочит-то вдоль да бела камешка —
180. И в длину-то камень сорока сажен,
А ширину-то камень тридцати сажен.
И уж тут-то как Василью прихва́стнулось:

«Ай же вы, дружѣ-братѣ хороброе!
И скочите впоперек-то бела камешка,
И уж как я, удалый добрый молодец,
Скочу-то я вдоль бела камешка».
И сам завёл скочить, но не до́скочил,
И уж как тут-то нонь Василью смерть случилось.
И метали они сходни ты дубовыи,
190. И уж как ставили кресты животворящии.
Спасет-то бог теби на ти́шины,
И вам-то добрым людям на послушанье.